Библіотека
„СВОБОДА и ПРАВО“.

№ 2.

А. А. КАУФМАНЪ.

КРЕСТЬЯНЕ и ЗЕМЛЯ.

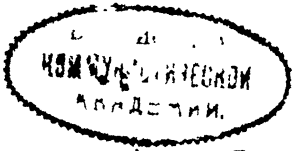
Ц. 30 к. 1917 г.

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
МОСКВА, Маросейка, 11.

2-й экз

[illegible]

Типографія „ОБЩЕЕ ДѢЛО“, Г. А. Лемана. Москва.


1268
27.

КРЕСТЬЯНЕ и ЗЕМЛЯ.

Земельный вопросъ—это неугасимый огонь, всегда горящій въ душѣ русскаго крестьянина. Годами, десятилѣтіями, этотъ огонь еле тлѣетъ гдѣ-то подъ золою: и только изрѣдка покажется гдѣ искорка, гдѣ язычокъ огня. Но время отъ времени онъ разгорается яркимъ пламенемъ, повальнымъ пожаромъ, и въ заревѣ этого пожара меркнетъ все другое, о чемъ думаетъ, чего хочетъ крестьянство. Такъ было въ годы первой революціи, такъ есть и будетъ сейчасъ, когда новая революція смела самодержавіе и передала власть въ руки народа. Понятно, что каждая изъ партій, которыя хотятъ опереться на народъ, ставитъ земельный вопросъ во главу угла своей программы и платформы; каждая,—особенно каждая лѣвая партія, старается найти такое его рѣшеніе, которое дальше всего шло бы навстрѣчу народнымъ мечтамъ и народнымъ идеаламъ.

Я выступаю въ этой книжкѣ не отъ имени какой-либо партіи или партійной группы: я не собираюсь защищать никакой партійной программы или платформы. Я—просто человѣкъ, который тридцать лѣтъ работалъ, сначала практически, потомъ научно, надъ земельнымъ вопросомъ, сначала надъ отдѣльными его сторонами, потомъ и надъ

земельнымъ вопросомъ въ его общемъ видѣ, и который хочетъ подѣлиться съ читателями плодами своей многолѣтней работы и своихъ многолѣтнихъ думъ.

Прежде всего, я долженъ постараться уяснить каковъ дѣйствительный смыслъ земельнаго вопроса; не тотъ болѣе или менѣе отвлеченный теоретическій смыслъ, какой ему дается въ партійныхъ программахъ, платформахъ и листкахъ, а тотъ, какой онъ имѣетъ, на самомъ дѣлѣ, для самого крестьянина; уяснить, чего хочетъ, чего добивается само крестьянство.

Каждая партійная программа, или почти каждая, выставляетъ ту или другую красивую формулу «вся земля всему народу»: «національзація», «соціализація»; «муниципализація» земли. Существенный смыслъ всѣхъ этихъ формулъ сводится къ тому, что земля поступитъ въ распоряженіе народной власти—по однимъ всенародной, по другимъ мѣстной, областной, и эта власть будетъ распредѣлять и перераспредѣлять землю между трудовыми земледѣльцами; даже шире—между всѣми, кто хочетъ и кто можетъ обрабатывать землю собственнымъ трудомъ; будетъ распредѣлять и перераспредѣлять, руководствуясь при этомъ одними лишь соображеніями уравнительной справедливости. Крестьянинъ понимаетъ дѣло много проще. Для него дѣйствительный смыслъ земельнаго вопроса—это: «вся земля трудовому крестьянству». Крестьянинъ думаетъ не о національзаціи или соціализаціи; онъ хочетъ и требуетъ себѣ нарѣзки или прирѣзки

за счетъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя сейчасъ не находятся въ обладаніи крестьянъ: казенныхъ, удѣльныхъ и, конечно, прежде всего, частновладѣльческихъ, помѣщичьихъ. Я не хочу сказать ничего дурного о крестьянахъ и о крестьянствѣ: крестьяне— такіе же люди, какъ и всѣ; они не хуже другихъ,— но и не лучше. Какъ и во всякой другой средѣ, такъ и среди крестьянъ есть, конечно, искренно убѣжденные носители идей соціальной справедливости. Но заурядный, массовый крестьянинъ, какъ и заурядный рабочій, заурядный буржуа, пожалуй даже заурядный интеллигентъ, думаетъ не о соціальной справедливости, а о себѣ и о своихъ интересахъ. Крестьянинъ подпишется подъ какимъ угодно лозунгомъ—«вся земля народу», «націонализація», «соціализація», лишь бы этотъ лозунгъ давалъ ему надежду получить земли. Но онъ добровольно не отдастъ ни пяди своей земли, какъ бы она ни была необходима «нуждающемуся брату»— другому, малоземельному крестьянину. И землю помѣщика или удѣла крестьянинъ требуетъ для себя, а не для какого-то отвлеченнаго крестьянства.

Читатель! Я говорю все это вовсе не для того только чтобы разсѣять Ваши иллюзіи. Нѣтъ—то, что я только что сказалъ, имѣетъ громадное практическое значеніе. Это значитъ не только, что крестьянинъ не отдастъ добровольно ни избыточной сверхъ потребительной или, скажемъ, даже трудовой нормы, надѣльной, ни тѣмъ болѣе— купленной на «трудовыя деньги» земли; что сибирскіе крестьяне, напримѣръ, безъ жестокой борьбы не отдадутъ своихъ «излишковъ» подъ водвореніе малоземельныхъ переселенцевъ. Это значитъ еще,

что крестьяне мѣстностей, гдѣ имѣется много казенныхъ или помѣщичьихъ земель, сдѣлаютъ все, что смогутъ, чтобы разобрать эти земли *между собой*, и не отдадутъ ни пяди, безъ борьбы, малоземельнымъ крестьянамъ другихъ губерній; это значитъ даже больше—что крестьяне, арендовавшіе землю у такого-то помѣщика или въ такой-то казенной статьѣ, потребуютъ эту землю *себѣ* въ прирѣзку, и не согласятся подѣлиться ею съ другими крестьянами, скажемъ, той-же волости, хотя бы земельная нужда у тѣхъ была гораздо больше. И все это въ концѣ концовъ, значитъ вотъ что: что, во 1-хъ, земельная реформа будетъ произведена только *одинъ разъ*—и однажды навсегда. Тѣ, кто теперь получитъ землю—у тѣхъ она и останется навсегда; и новаго перераспредѣленія земли не будетъ никогда, хотя бы будущее учредительное собраніе, какимъ угодно большинствомъ, провозгласило «націонализацію» или «соціализацію». Что, во 2-хъ, при распредѣленіи того земельнаго фонда, который уже состоитъ или поступитъ въ распоряженіе народной власти, придется считаться не только съ соображеніями уравнительной справедливости, въ силу которыхъ малоземельнымъ крестьянамъ однѣхъ губерній и уѣздовъ будетъ причитаться земля въ другихъ уѣздахъ и губерніяхъ—но и съ притязаніями крестьянъ каждой данной мѣстности на мѣстные земельные запасы. И въ силу этого заранѣе надо считаться съ тѣмъ, что немалое количество, можетъ быть даже очень значительная часть земли на югѣ и на востокѣ Россіи, а тѣмъ болѣе въ Сибири, будетъ разобрано такими мѣстными крестьянами, которые могли бы обойтись и безъ прирѣзки, а

многимъ, очень многимъ малоземельнымъ достанется очень мало, а скорѣе всего и вовсе ничего.

Потому что положеніе вещей такое: тѣ земельные запасы страны, которыми можно будетъ располагать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, гораздо меньше, чѣмъ требовалось бы, чтобы одѣлить всѣхъ «вволю»: жалуются на малоземелье, будутъ требовать земли, **вездѣ и всѣ**: и въ густонаселенномъ центрѣ, и въ заволжскихъ, напримѣръ, губерніяхъ, гдѣ у большей части крестьянъ земли, казалось бы, достаточно, и даже во многихъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ у крестьянъ, на худой конецъ, по 25—30 дес., а на хорошій—40—50 дес. на дворъ; жалуются на малоземелье и требуютъ земли и обиженные, при выходѣ на волю, бывшіе помѣщичьи крестьяне, и вполнѣ достаточно надѣленные бывшіе государственные, и баловни судьбы—казаки, даже въ тѣхъ войскахъ, гдѣ земли непочатый уголъ. Земли нужно всѣмъ, а между тѣмъ запасы земли ограничены. **На всѣхъ ея хватить не можетъ.** Значитъ, одно изъ двухъ: либо распредѣлять землю по справедливости, по соразмѣрности съ земельною нуждой—тогда тѣмъ, у кого земли больше, ничего не достанется; либо считаться съ притязаніями крестьянъ на мѣстные земельные запасы—самарскія земли для самарцевъ, сибирскія для сибиряковъ, «графское» имѣнье для «графскихъ» крестьянъ,—тогда, какъ я уже сказалъ, большая часть земельнаго фонда будетъ разобрана тѣми, кто, по справедливости, могъ бы поступиться прирѣзкой, и нечего не достанется многимъ, какъ разъ, изъ самыхъ малоземельныхъ, изъ наиболѣе нуждающихся крестьянъ.

Но развѣ, въ самомъ дѣлѣ, земельные запасы страны ограничены? Вѣдь Россія — шестая часть свѣта. Даже въ европейской Россіи пустуютъ еще огромныя пространства земли, а что же сказать с необъятной Сибири?..

Такъ, несомнѣнно, думаютъ крестьяне, такъ, можетъ быть, подумалъ себѣ читатель, читая предшествующія строки.

А между тѣмъ земельные запасы нашей страны— тѣ земельные запасы, на которые, въ самомъ дѣлѣ, можно разсчитывать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія, дѣйствительно ограничены. На всю крестьянскую нужду хватить ихъ никакимъ образомъ не можетъ.

Вѣдь для того, чтобы земли хватило, въ самомъ дѣлѣ на всю крестьянскую нужду, нужно было бы надѣлить каждаго крестьянина по трудовой нормѣ—то есть, дать каждому крестьянину такое количество земли, какое онъ могъ бы «управить», затрачивая весь трудъ, свой собственный и всѣхъ членовъ своей семьи. Точно вычислить трудовыя нормы до сихъ поръ никому не удалось—да и не можетъ никому удаться. Во-первыхъ потому, что мы не можемъ точно установить «урочнаго положенія» даже для каждаго отдѣльнаго вида полевыхъ работъ, а главное—не знаемъ изъ какихъ работъ намъ исходить: обработать и засѣять средняя крестьянская семья можетъ гораздо больше, чѣмъ она же можетъ потомъ выжать. А во-вторыхъ, еще и вотъ почему: вѣдь трудовую норму приходится разсчитывать на существующіе пріемы и способы веденія хозяйства; а между тѣмъ эти пріемы и способы давно отжили свой вѣкъ, и главная суть

того тяжелаго положенія, которое уже давно переживаетъ наше крестьянское хозяйство, именно въ томъ и состоитъ, что ихъ давно надо замѣнить другими, болѣе совершенными, при которыхъ земля будетъ давать гораздо больше, но зато гораздо больше придется затрачивать труда на ея обработку; а если придется затрачивать гораздо больше труда, то, значитъ, крестьянская семья не сможетъ «управить» того, что ей по трудовой нормѣ будетъ причитаться. Вотъ, я и говорю: установить настоящія, точныя трудовыя нормы—задача неразрѣшимая. Можно лишь такъ или иначе «прикинуть» болѣе или менѣе на глазъ. И «прикидываютъ» всячески—кто больше, кто меньше; для одной и той же мѣстности одни принимаютъ 20, другіе 35, третьи 50 десятинъ.

Значитъ: сколько именно земли пришлось бы дать крестьянамъ по трудовой нормѣ,—этого точно, да пожалуй и приблизительно, нѣтъ возможности высчитать; можно только гадать. Но во всякомъ случаѣ очень много, потому что трудовыя нормы, разсчитанные на современныя пріемы и способы крестьянскаго хозяйства, могутъ быть больше или меньше—но непремѣнно будутъ очень высоки. Возьмемъ, теперь, самую умѣренную трудовую норму, положимъ только 25 десятинъ на хозяйство; примемъ минимальное количество крестьянскихъ хозяйствъ въ европейской Россіи около 20 милліоновъ—получаемъ 500 милліоновъ десятинъ. Между тѣмъ, если взять цѣликомъ всю площадь сельскохозяйственныхъ и лѣсныхъ земель европейской Россіи, включая архангельскія тундры и астраханскія пустыни,—и то получится менѣе 400 милліо-

новъ; и то не хватитъ, значитъ, сто слишкомъ милліоновъ десятинъ. Допустите даже, что эти сто слишкомъ милліоновъ можно отвести въ Сибирь— такъ статочное ли дѣло, чтобъ въ Сибирь разомъ передвинулось слишкомъ четыре милліона крестьянскихъ семействъ?.. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, и въ Сибири никакимъ способомъ не набрать ста милліоновъ десятинъ, потому что для водворенія крестьянъ-переселенцевъ годна лишь очень небольшая часть Сибири,—лишь очень неширокая полоса, а въ этой полосѣ и безъ того густо засѣли сибирскіе крестьяне-старожилы, туземцы-киргизы, буряты и пр. и ранѣе водворенные переселенцы. И въ европейской Россіи тоже въ разсчетъ идетъ никакъ не 400, а едва ли даже 300 милліоновъ десятинъ, потому что изъ разсчета надо выкинуть не только тундры и пески, но и очень большую часть лѣсовъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь впереди.

Итакъ: надѣленіе по трудовымъ нормамъ—это, просто «безбрежная фантазія», о которой можно писать въ партійныхъ воззваніяхъ и листкахъ, но о которой не-думаетъ серьезно ни одинъ серьезный человѣкъ. Максимумъ того, о чемъ можно серьезно думать и серьезно разсуждать—это надѣленіе по гораздо болѣе низкимъ потребительнымъ нормамъ: доведеніе, значитъ, крестьянскаго землевладѣнія до такихъ размѣровъ, которые будутъ далеко недостаточны, чтобы использовать весь трудъ крестьянина и его семьи, но которые будутъ приблизительно достаточны для того, чтобы покрыть извѣстный, довольно скромно исчисленный минимумъ крестьянскихъ продовольственныхъ и другихъ насущныхъ потребностей.

Если читатель дастъ себѣ трудъ немного подумать, онъ легко увидитъ, что вычисленіе потребительныхъ нормъ—такое вычисленіе, которое дало бы точные и, главное, объективные, для всѣхъ убѣдительные результаты,—дѣло столь же трудное и, по самому существу вопроса, столь же невозможное, какъ и выработка трудовыхъ: вѣдь при вычисленіи потребительныхъ нормъ приходится исходить изъ существующей, крайне низкой производительности крестьянскихъ земель,—а эта крайне низкая производительность вытекаетъ не изъ какихъ-либо непреодолимыхъ природныхъ условій нашего отечества, а все изъ тѣхъ же, отжившихъ свой вѣкъ, способовъ и пріемовъ крестьянскаго хозяйства.

Такъ или иначе, но фактъ, что потребительныя нормы до сихъ поръ тоже еще не установлены, и о томъ, хватитъ ли земли до этихъ нормъ, можно пока только гадать. Въ эпоху первой революціи. 1905—7 годахъ, дѣлались разные разсчеты на близкія, какъ можно думать, къ потребительнымъ, нормы «высшихъ» или «указанныхъ» надѣловъ, установленныхъ положеніями 19 февраля 1861 года для надѣленія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ при выходѣ на волю. Я говорю: «какъ можно думать», потому что, по мнѣнію однихъ (Каблуковъ и многіе другіе) эти нормы были ниже того, что тогда отвѣчало бы потребительной нормѣ; по мнѣнію другихъ (А. И. Чупровъ) эти нормы нѣсколько выше потребительныхъ нормъ, разсчитанныхъ на теперешнія условія. Нѣсколько ниже или нѣсколько выше—но во всякомъ случаѣ высшіе и указные надѣлы положеній 19 февраля близки къ

потребительнымъ—это нѣчто вродѣ, такъ сказать, «историческихъ» потребительныхъ нормъ.

Такъ вотъ—по моимъ, напримѣръ, вычисленіямъ, сдѣланнымъ въ 1905 году, нехватка земли у малоземельной части крестьянства, до указанныхъ нормъ, составляла, въ итогѣ по 44 губерніямъ. 73 милліона десятинъ. Изъ чего его покрыть? Прежде всего, конечно, изъ земельныхъ угодій частныхъ владѣльцевъ, казны, удѣла и т. д. Такихъ угодій насчитывалось, по 44 губерніямъ, всего 44 милліона десятинъ. Значитъ, если цѣликомъ передать ихъ крестьянамъ, всетаки до нормъ 1861 года не хватило бы 29 милліоновъ десятинъ. На лицо огромныя лѣсныя пространства—въ итогѣ по тѣмъ же 44 губерніямъ 93 милліона десятинъ: на первый взглядъ, казалось бы, втрое больше, чѣмъ нужно, чтобы довести надѣлы малоземельнаго крестьянства до нормъ высшихъ и указныхъ надѣловъ 1861 года, и избытокъ лѣсной площади будетъ для этого вполнѣ достаточенъ. На самомъ дѣлѣ, однако, совсѣмъ не то: достаточно исключить изъ разсчетовъ три сѣверныхъ губерніи— Пермскую, Вологодскую и Олонецкую *), лѣсныя пространства которыхъ не могутъ играть въ дѣлѣ расширенія землевладѣнія малоземельнаго крестьянства никакой роли,—и избытокъ сразу исчезаетъ: въ итогѣ по остальнымъ 41 губерніи могущій быть использованнымъ для цѣлей дополнительнаго надѣленія запасъ лѣсной площади едва покроетъ, а вѣрнѣе даже и въ такомъ общемъ итогѣ не вполнѣ покроетъ, тотъ дефицитъ до нормъ 1861 года, который останется за

*) Архангельская губернія въ мои подсчеты не вошла.

передачей крестьянамъ, цѣликомъ, всѣхъ земельныхъ угодій казны, удѣла и частныхъ владѣльцевъ. Если же обратиться къ погубернскимъ и порайоннымъ цифрамъ, то окажется, что какъ разъ по тѣмъ районамъ, гдѣ земельная нужда всего острѣе— центрально-черноземному, малороссійскому и юго-западному, равнымъ образомъ въ московско-промышленной области и въ большей части литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, земельный дефицитъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть покрытъ за счетъ мѣстнаго земельнаго фонда. Надежда же на покрытіе этого дефицита за счетъ избыточныхъ земель другихъ районовъ, гдѣ земельные запасы больше,— главнымъ образомъ южныхъ и восточныхъ, болѣе чѣмъ проблематична, въ виду тѣхъ притязаній на эти земельные запасы, которые, какъ было выше развито, несомнѣнно будутъ предъявлены да и уже заявляются мѣстными крестьянами.

Конечно, я не могу ручаться за несомнѣнную точность этихъ выводовъ. Можетъ быть, въ нихъ вкрались тѣ или другія ошибки; можетъ быть, земельный дефицитъ могъ быть покрытъ въ нѣсколько большей мѣрѣ, нежели это выходило по моимъ разсчетамъ. Но нельзя забывать, что разсчеты эти дѣлались на населеніе 1905 года. За протекшіе 12 лѣтъ населеніе возросло, примѣрно, на 20-22 процента; на соотвѣтственную цифру возросла и недохватка земли до потребительныхъ нормъ или до нормъ 1861 года, а потому для настоящаго времени можно уже съ полною увѣренностью утверждать, что достичь до этихъ нормъ надѣламъ **всѣхъ малоземельныхъ крестьянъ навѣрно не удастся.**

Теперь я долженъ остановиться на одномъ вопросѣ, который я пока совершенно обходилъ.

Я исходилъ въ своихъ разсчетахъ изъ того предположенія, что на дополнительное надѣленіе крестьянъ пойдетъ цѣликомъ вся площадь сельскохозяйственныхъ угодій, сейчасъ не находящаяся въ распоряженіи крестьянъ; въ частности — всѣ земельныя угодья частнаго владѣнія. Иначе говоря— что земельная реформа будетъ сопряжена съ совершеннымъ уничтоженіемъ крупно-помѣстныхъ владѣній. Въ данномъ пунктѣ возможны однако серьезныя сомнѣнія. Я не буду уже становиться на точку зрѣнія теоретиковъ соціалъ-демократическаго направленія и партійныхъ программъ западно-европейской соціалъ-демократіи,—точку зрѣнія, сущность которой сводится къ тому, что мелкая собственность и мелкія формы производства въ земледѣліи такъ же несостоятельны и въ такой же мѣрѣ обречены на гибель, какъ и въ обрабатывающей промышленности; что и въ земледѣліи, какъ и въ индустріи, должны восторжествовать крупно-капиталистическія формы, крестьянство же, какъ классъ мелкихъ самостоятельныхъ предпринимателей, обречено на неминуемую пролетаризацію, или въ лучшемъ (а съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи—худшемъ) случаѣ,—на жалкое, нищенское, полуголодное существованіе; и что единственный выходъ изъ тяжелаго положенія земледѣльческихъ массъ—въ предстоящемъ, въ туманномъ будущемъ,— обобществленіе не только земли, но и сельскохозяйственнаго производства. Я считаю правильною діаметрально-противоположную точку зрѣнія, которая на западѣ полнѣе всего была развита Да-

видомъ, а у насъ—рядомъ экономистовъ болѣе или менѣе ярко-выраженнаго лѣво-народническаго направленія, какъ А. И. Чупровъ, Н. А. Каблуковъ, Н. А. Булгаковъ, В. Д. Косинскій, Н. П. Огановскій, А. В. Чаяновъ и др.; точку зрѣнія, согласно которой всѣ преимущества, присущія крупному хозяйству въ обрабатывающей промышленности, въ земледѣліи имѣютъ сравнительно малое, даже ничтожное значеніе и вліяніе ихъ—поскольку о немъ, вообще, и могла бы быть рѣчь—рѣшительно перевѣшивается, или во всякомъ случаѣ м о ж е т ъ перевѣшиваться, специфическими преимуществами, присущими крестьянскому трудовому хозяйству; вліяніе этихъ преимуществъ—именно большей заинтересованности крестьянина, работающаго н а с е б я, въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, не думающаго притомъ о прибыли и рентѣ и прибыли на капиталъ, а заинтересованнаго только въ томъ, чтобы полнѣе использовать свой трудъ и получить съ земли возможно большую массу продукта,—вліяніе этихъ преимуществъ, говорю я, выступаетъ тѣмъ болѣе впередъ, чѣмъ интенсивнѣе становится хозяйство, чѣмъ большую роль начинаютъ играть такъ называемыя «трудоёмкія» культуры, чѣмъ больше центръ тяжести сельско-хозяйственныхъ работъ переносится съ чисто-механической обработки земли на уходъ за органическими, живыми существами—сельско-хозяйственными растеніями и животными; и эти преимущества пріобрѣтаютъ рѣшающее значеніе съ развитіемъ общественной агрономіи съ одной стороны и кооперативныхъ формъ съ другой, потому что агрономическая помощь приноситъ въ крестьянское хозяйство недостающіе

ему элементы научности и раціональности, а кооперація устраняетъ всѣ или почти всѣ тѣ слабыя стороны, которыя вытекаютъ изъ мелкаго размѣра единичнаго крестьянскаго хозяйства, изъ бѣдности его оборотнымъ капиталомъ, изъ недоступности для него дорого стоющихъ машинъ и земельныхъ улучшеній.

Еще разъ. Я, вмѣстѣ съ перечисленными авторами, ожидаю въ будущемъ не гибели крестьянскаго хозяйства и не поглощенія его капиталистическимъ, какъ ожидаютъ послѣдовательные соціалъ-демократы, а напротивъ — постепеннаго вытѣсненія крупно-помѣстнаго землевладѣнія и крупно-капиталистическаго хозяйства. Но, вмѣстѣ— опять-таки, съ Давидомъ, съ Косинскимъ, до нѣкоторой степени съ Огановскимъ, я думаю, что это можетъ имѣть мѣсто лишь при наличности нѣкоторыхъ опредѣленныхъ условій: при болѣе или менѣе высокомъ культурномъ уровнѣ самого крестьянства съ одной стороны, и при болѣе или менѣе интенсивномъ хозяйствѣ съ другой: чѣмъ культурнѣе крестьянство и чѣмъ интенсивнѣе хозяйство, тѣмъ рѣзче выступаютъ преимущества крестьянскаго трудового хозяйства передъ крупно-капиталистическимъ и наоборотъ, при низкомъ уровнѣ культуры крестьянскихъ массъ и при экстенсивномъ хозяйствѣ преимущество оказывается на сторонѣ крупно-капиталистическаго хозяйства. Вотъ почему, напримѣръ, въ высококультурной Даніи, съ ея развѣтвленною сѣтью высшихъ народныхъ школъ, крестьянское хозяйство уже сейчасъ идетъ впереди капиталистическаго, въ Голландіи оно сравнялось съ нимъ, въ Германіи, гдѣ куль-

Библиотека Академии

турный уровень народныхъ массъ уже нѣс ось ниже, передовая роль пока еще принадлежитъ если, въ особенности взять всю Германію въ цѣло крупно-капиталистическому хозяйству; если же ср нивать между собой отдѣльныя части Германіи, то окажется, что въ южной Германіи, гдѣ хозяйство достигло очень высокой степени интенсивности, крестьянское хозяйство стоитъ на весьма высокомъ уровнѣ, тогда какъ, напротивъ, въ сѣверо-восточной части Германіи, съ ея гораздо болѣе экстенсивнымъ земледѣліемъ, крестьянское хозяйство пока еще замѣтно отстало отъ владѣльческаго.

Чего же, спрашивается, должны мы ожидать въ Россіи? Слишкомъ извѣстный фактъ, что культурный уровень народныхъ массъ у насъ, къ несчастью, еще очень низокъ, а хозяйство, въ общемъ и цѣломъ, очень экстенсивно и первобытно. Это съ одной стороны. Но съ другой стороны считается твердо установленнымъ, что крупно-помѣстное владѣніе у насъ, въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо на западѣ, сохранило рѣзко отрицательныя черты, свойственныя дворянскому владѣнію, какъ таковому, и основанному на подневольномъ трудѣ крѣпостному хозяйству. Что, поэтому, оно болѣе чѣмъ гдѣ либо осуждено на естественное вымираніе и что не только соображенія справедливости, но и интересы всенародной пользы требуютъ скорѣйшаго его окончательнаго уничтоженія.

И въ самомъ дѣлѣ. Въ общемъ и цѣломъ наше крупно-помѣстное владѣніе, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ картину упадка и разложенія. Съ момента освобожденія крестьянъ до 35 милліоновъ десятинъ—приблизительно около трети общаго количе-

ства—уже ушло изъ рукъ помѣстнаго дворянства, въ томъ числѣ около 25 милліоновъ десятинъ перешло въ руки трудового крестьянства. Значительная доля остальной площади, пока еще остающейся въ обладаніи помѣстнаго класса—по различнымъ подсчетамъ едва-ли менѣе трети, а можетъ быть и половина—сдается крестьянамъ въ краткосрочную аренду, погодную или на одинъ трехпольный кругъ; а такая аренда—несомнѣнно—худшій изъ всѣхъ мыслимыхъ способовъ эксплоатаціи земли: земли краткосрочной аренды даютъ урожаи ниже, чѣмъ даже на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ; почва, неизбѣжно, истощается, а въ то же время возможность для землевладѣльца безпредѣльно взвинчивать арендныя платы, ставитъ краткосрочную аренду на одинъ уровень съ пресловутою «системою выжиманія пота», позволяя землевладѣльцамъ, при желаніи, доводить эксплоатацію подневольныхъ арендаторовъ-крестьянъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Поскольку остальная часть владѣльческихъ земель эксплоатируется даже за счетъ владѣльцевъ—это далеко еще не значитъ, чтобы это были капиталистическія хозяйства въ настоящемъ смыслѣ этого слова: очень значительная часть ихъ обрабатывается крестьянскимъ скотомъ и инвентаремъ—все тѣми же жалкими крестьянскими сошонками и лошаденками, чаще всего въ видѣ отработковъ, либо за забранныя впередъ, на болѣе или менѣе ростовщическихъ условіяхъ, деньги, частью за снимаемыя отъ помѣщика угодья—главнымъ образомъ за пресловутые «отрѣзки» и «клинья», врѣзанные въ крестьянскій надѣлъ или отрѣзывающіе крестьянъ отъ полей или водопоевъ; въ такого рода случаяхъ

отработки являются прямымъ уже продолженіемъ кабальной барщины крѣпостныхъ временъ.

Поскольку земля въ помѣстныхъ владѣніяхъ эксплоатируется такими способами—краткосрочною арендой, отработками и т. п., крупно помѣстное владѣніе не имѣетъ, конечно, никакого права на существованіе, и чѣмъ скорѣе оно будетъ ликвидировано и земля будетъ распредѣлена между малоземельными крестьянами, тѣмъ лучше: помѣстное землевладѣніе этого типа обладаетъ всѣми дурными сторонами крупной земельной собственности и ни одною хорошею, которая въ какой-либо мѣрѣ оправдывала бы его существованіе. И если я принадлежу къ числу тѣхъ, кто думаетъ, что даже и такія владѣнія слѣдуетъ не конфисковать, а выкупить по дѣйствительной, не ростовщической, а хозяйственной оцѣнкѣ, то это—отнюдь не потому, чтобы я считалъ это требованіемъ справедливости по отношенію къ владѣльцамъ, а только потому, что крупно-помѣстныя владѣнія въ громадной долѣ задолжены, и что поэтому простая конфискація ударила бы, главнымъ образомъ, не по самимъ владѣльцамъ, а по ихъ кредиторамъ-капиталистамъ—не по коню, а по оглоблѣ. А съ правами и интересами капитала нельзя не считаться, пока существуетъ капиталистическій строй.

Однако, этимъ не исчерпывается вопросъ. Какъ ни покажется страннымъ и неожиданнымъ послѣ всего сказаннаго, но владѣльческое хозяйство, даже въ общемъ и цѣломъ, всетаки стоитъ у насъ впереди крестьянскаго. Урожайность частновладѣльческихъ земель замѣтно больше, чѣмъ крестьянскихъ, и главное—урожаи на владѣльчес-

кихъ земляхъ и растутъ быстрѣе, и, значитъ, разница между крестьянскими и владѣльческими землями, съ теченіемъ времени, не сглаживается, а растетъ: въ среднихъ за пять десятилѣтій, начиная съ 1860 и кончая 1910 годомъ, цифрахъ, урожай всѣхъ хлѣбовъ на крестьянскихъ земляхъ былъ 29—31—34—39—41 пуд., на владѣльческихъ земляхъ 33—37—42—47—54 пуда; крестьянскіе урожаи возрасли на 48, владѣльческіе на 64%, разница въ каждое изъ пяти послѣдовательныхъ десятилѣтій, выражалась въ 14—19—23—20—25%. Ясно, что хозяйство на владѣльческихъ земляхъ—какъ никакъ—сдѣлало большіе успѣхи, чѣмъ на крестьянскихъ. Далѣе: читатель, вѣроятно, знаетъ, что наиболѣе ясными признаками болѣе передового, интенсивнаго земледѣльческаго хозяйства является плодосмѣнъ, т.-е. введеніе въ полевой оборотъ кормовыхъ травъ и корнеплодовъ. Между тѣмъ, по даннымъ сельско-хозяйственной переписи 1916 года посѣвныя травы занимали у владѣльцевъ 9%, у крестьянъ неполныхъ два процента; даже въ двухъ передовыхъ по крестьянскому травосѣянію районахъ—центрально-промышленномъ и приозерномъ, подъ травами у крестьянъ было занято 5%, а у владѣльцевъ: 28% въ первомъ и 19% во второмъ. Въ черноземной полосѣ главную роль въ прогрессѣ сельскаго хозяйства играетъ сахарная свекловица; между тѣмъ, въ общемъ по всей европейской Россіи итогѣ подъ свеклой у владѣльцевъ было занято 5%, у крестьянъ—всего одна десятая доля процента; въ самомъ передовомъ по свеклѣ районѣ крестьяне заняли подъ свеклу 2%; частные владѣльцы 19% всей посѣвной площади.

Какъ согласовать эти двѣ совсѣмъ разныя вещи? Съ одной стороны, владѣльческое хозяйство—что-то вродѣ живого, разлагающагося трупа; съ другой оно стоитъ, всетаки, впереди крестьянскаго. Дѣло очень просто: уже окончательно ликвидировавшіяся дворянскія имѣнья, равно какъ и тѣ, продолжающія существовать, помѣстныя владѣнія, гдѣ господствуетъ краткосрочная аренда и отработки—это, всетаки, не все крупно-помѣстное владѣніе. Одновременно съ упадкомъ значительнаго большинства крупныхъ владѣній выдифференцировывалось хотя и меньшинство, но не такое уже незначительное меньшинство: сотни, можетъ быть даже тысячи крупныхъ владѣній, во всякомъ случаѣ съ милліонами десятинъ земли, гдѣ ведется капиталистическое хозяйство въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и хозяйства этого типа стоятъ, конечно, далеко впереди крестьянскихъ. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я сдѣлалъ сводку данныхъ о 1570 хозяйствахъ съ 6 милліонами десятинъ: изъ нихъ въ 352-хъ оказалось такъ называемое «улучшенное зерновое» хозяйство съ посѣвомъ травъ, въ 207-ми—съ сахарною свеклой, въ 246 хозяйствахъ съ другими корнеплодами, въ 344-хъ чисто-плодосмѣнное, да еще въ 145-ти разныя комбинаціи одного изъ этихъ болѣе высокихъ типовъ хозяйства съ обычнымъ трехпольемъ; въ 131 хозяйствѣ велись правильные опыты примѣненія улучшенныхъ способовъ и пріемовъ культуры, въ 116 хозяйствахъ—правильныя метеорологическія наблюденія. Въ нечерноземной полосѣ и въ черноземномъ центрѣ такихъ передовыхъ владѣльческихъ хозяйствъ немного. Но въ юго-западномъ и частью малороссійскомъ районѣ

это—очень распространенный, даже преобладающій типъ, и именно въ этихъ районахъ въ имѣніяхъ капиталистическаго типа ведется наиболѣе интенсивное и наиболѣе передовое хозяйство, дающее двойные и тройные урожаи зерновыхъ хлѣбовъ, дающія огромную массу цѣннаго продукта въ родѣ сахарной свеклы и т. п. Но при такихъ условіяхъ существованіе крупныхъ владѣній и капиталистическихъ хозяйствъ является уже не только соціальною неправдой,—такія владѣнія и такія хозяйства имѣютъ за себя всѣ тѣ же оправданія, что и капиталистическія предпріятія въ обрабатывающей промышленности: существованіе ихъ выгодно не только для народнаго хозяйства въ цѣломъ—оно выгодно даже для самаго окрестнаго трудового населенія, потому что заработки въ такомъ капиталистическомъ хозяйствѣ больше, чѣмъ весь тотъ валовой доходъ, который крестьяне могли бы получать при своемъ, крестьянскомъ хозяйствѣ, если бы земля была имъ передана въ надѣлъ. Покойный профессоръ А. И. Чупровъ дѣлаетъ такой разсчетъ: «въ хорошихъ хозяйствахъ—говоритъ онъ—на заработную плату издерживается 60-80%»—кругомъ, значитъ, три четверти—«всѣхъ расходовъ, что составляетъ, приблизительно, 50-70%»—отъ половины до двухъ третей—«валового сбора; при превышеніи валового сбора вдвое противъ крестьянскаго, заработная плата съ каждой десятины составитъ не меньшую, а скорѣе большую сумму, чѣмъ выручка крестьянъ на надѣльной землѣ». Такъ выходило десять лѣтъ тому назадъ, когда заработная плата сельско-хозяйственныхъ рабочихъ была чрезвычайно низка. Съ тѣхъ поръ заработныя платы

значительно повысились,—значитъ, соотвѣтственно увеличился и размѣръ заработка крестьянъ въ такого рода хорошихъ хозяйствахъ. Или еще другой разсчетъ—для тѣхъ хозяйствъ, гдѣ въ полевой оборотъ входитъ сахарная свекловица: на десятину посѣва пшеницы или овса, при обычномъ у крестьянъ способѣ хозяйства, затрачивается отъ 15 до 30 рабочихъ дней; на десятину свеклы—120—130 рабочихъ дней. Даже при той крайне низкой заработной платѣ, какая существовала въ области свекольнаго хозяйства до первой революціи, десятина земли подъ свеклой давала населенію заработокъ отъ 70 до 90 рублей, а десятина всей посѣвной площади подъ свекольнымъ сѣвооборотомъ отъ 18 до 26 рублей, между тѣмъ какъ весь валовой доходъ съ десятины крестьянской надѣльной земли былъ отъ 8 до—въ лучшемъ случаѣ—18 рублей. При такихъ обстоятельствахъ, надо очень серьезно подумать о томъ, будетъ ли уничтоженіе такого рода хозяйствъ и передача земли крестьянамъ выгодна даже для самихъ тѣхъ крестьянъ, которыя получатъ эту землю. Надъ этимъ вопросомъ задумываются даже такіе яркіе представители народно-соціалистическихъ теченій, какъ, напримѣръ, Огановскій, который предлагаетъ лучшія изъ такихъ хозяйствъ не уничтожать, а передать въ хозяйственное завѣдываніе обновленныхъ земствъ и кооперативовъ. Можетъ быть это и будетъ хорошо,—хотя долженъ сказать, что мы еще не имѣемъ опыта веденія земствами или кооперативами большихъ доходныхъ хозяйствъ, а потому не можемъ впередъ сказать, что изъ этого выйдетъ. Поэтому я лично думаю, что самое выгодное было бы оставить имѣ-

нія, гдѣ ведется такое хорошее капиталистическое хозяйство, въ рукахъ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока земледѣліе у крестьянъ поднимется настолько, что валовой доходъ десятины въ крестьянскомъ хозяйствѣ не будетъ меньше того заработка, какой они имѣютъ у помѣщика. Не знаю, какъ, въ концѣ концовъ, разрѣшится этотъ вопросъ. Но вопросъ—повторяю—серьезный. Это видно хотя бы изъ того, что крестьяне въ юго-западномъ краѣ, гдѣ больше всего такихъ хозяйствъ, вовсе не требуютъ—по крайней мѣрѣ не требовали въ эпоху первой революціи,—раздѣла помѣщичьихъ земель: они боролись не за землю, а за заработную плату.

Однако, главная суть вопроса не въ этомъ. Въ концѣ концовъ тѣ, можетъ быть, нѣсколько милліоновъ десятинъ, которыя заняты подъ передовыми капиталистическими хозяйствами, не составляютъ большой разницы въ общемъ разсчетѣ. Пусть будущее учредительное собраніе рѣшитъ цѣликомъ изъять всѣ владѣльческія земли и передать ихъ трудовому крестьянству. Все-таки, какъ мы видѣли,—земли, въ лучшемъ случаѣ, едва-едва хватитъ, а вѣрнѣе всего все-таки не хватитъ даже до потребительныхъ нормъ или до высшихъ и указныхъ надѣловъ положеній 19 февраля. Но пусть даже хватитъ; такъ много ли, спрашивается, выиграютъ отъ этого крестьяне и надолго ли такая прирѣзка имъ поможетъ? Вѣдь сообразите, читатель: большинство даже бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ получило надѣлы по этимъ самымъ нормамъ 1861 года, а государственные крестьяне получили гораздо больше; о нихъ никто не гово-

рилъ, что имъ дали мало земли, и сейчасъ дать всему крестьянству, по теперешнему числу душъ, столько земли, сколько получили въ свое время бывшіе государственные крестьяне,—объ этомъ не приходится и думать, да кажется никто серьезно и не думаетъ. А между тѣмъ вопросъ о крестьянскомъ малоземельѣ уже сейчасъ послѣ выхода крестьянъ на волю стоялъ такъ же остро, какъ теперь и,—какъ я говорилъ,—стоитъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, съ ихъ большими надѣлами, такъ же остро, какъ у бывшихъ помѣщичьихъ съ ихъ малыми надѣлами. Значитъ: если даже и удастся добавить всѣмъ малоземельнымъ до потребительныхъ нормъ или до нормъ 1861 года, все-таки малоземелье останется. Значитъ дальше: само «малоземелье»—это не такая простая вещь, какъ кажется на первый взглядъ. Дѣло совсѣмъ не только въ томъ, что у крестьянъ мало земли, и главный вопросъ не только въ томъ, и даже вовсе не въ томъ, чтобы имъ земли прибавить, а въ чемъ-то совсѣмъ другомъ. Достаточно уже одного: у насъ крестьянинъ «малоземельный»: гдѣ съ 5—6-ю, гдѣ съ 10—12-ю, а гдѣ и съ 25—30 десятинами. А нѣмецкій крестьянинъ, или французскій, если у него 3, 4, 5 десятинъ—это уже полный хозяинъ, «клейнбауэръ», который не только самъ не пойдетъ батрачить, но еще людей нанимаетъ на спѣшныя работы; которому дохода съ этихъ 3—5 десятинъ вполнѣ хватаетъ для прожитія, о которомъ никому не придетъ въ голову сказать, что онъ «малоземельный».

Значитъ: малоземелье у нашихъ крестьянъ—у всѣхъ, кто въ свое время получилъ полные надѣ-

лы,—это какое-то особенное, «относительное» малоземелье. Въ самомъ дѣлѣ малоземельные бѣдствуютъ оттого, что у нихъ мало земли, разные дарственные крестьяне, тѣ, которые получили «низшіе» надѣлы положеній 1861 года и т. п. У тѣхъ, кто получилъ высшіе или указные надѣлы по положеніямъ 19 февраля, тѣмъ болѣе у бывшихъ государственныхъ и т. п., «малоземелье» не въ томъ, что мало земли, а въ томъ, что земля мало даетъ; а это—отъ плохого хозяйства.

Въ самомъ дѣлѣ. Средній для всей европейской Россіи урожай пшеницы—44 пуда съ десятины; въ Германіи средній урожай пшеницы 139, въ Англіи 148, въ Бельгіи 164 пуда. А между тѣмъ не Богъ и не природа насъ обидѣли: такого чернозема какъ у насъ нѣтъ ни въ одной другой странѣ. Значитъ, дѣло въ томъ, какъ мы хозяйствуемъ и какъ хозяйствуютъ нѣмцы, бельгійцы, англичане. А это—небо и земля. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ распространяться здѣсь о тѣхъ способахъ улучшенія земли и повышенія ея производительности, благодаря которымъ урожаи на западѣ получаются втрое и вчетверо выше чѣмъ у насъ. Но я долженъ остановиться на томъ, почему урожаи у насъ такъ низки. Это потому, что у насъ, и въ особенности у нашихъ крестьянъ, все еще ведется «дѣдовское» и «прадѣдовское» хозяйство,—а такого хозяйства сейчасъ уже вести нельзя. Въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ ведутъ переложное, иначе залежное хозяйство: распахиваютъ землю, снимаютъ нѣсколько хлѣбовъ и забрасываютъ на отдыхъ. Это было хорошо, пока населе-

ніе было рѣдко, свободной земли былъ непочатый край, земля отдыхала по 20—30 лѣтъ и, значитъ, успѣвала отдохнуть; тогда и при *такомъ* первобытномъ хозяйствѣ можно было получать порядочные (хотя, конечно, не нѣмецкіе и не бельгійскіе) урожаи. Теперь «народу умножилось», распашки заняли все или почти все, что можно было распахать,—значитъ, земля отдыхаетъ мало, а то и вовсе не отдыхаетъ. Не удивительно, что, напримѣръ, въ Самарской губерніи средній урожай пшеницы съ небольшимъ тридцать пудовъ, а въ южныхъ, какъ на зло самыхъ многоземельныхъ уѣздахъ, даже только 23 пуда: въ южныхъ, тоже многоземельныхъ уѣздахъ Харьковской средній урожай ржи тоже только 27 пудовъ, въ самомъ многоземельномъ, Старобѣльскомъ, тоже 23 пуда. Конечно, при *такихъ* урожаяхъ никакой земли не хватитъ. *Всегда* будетъ «малоземелье». Далѣе: въ густонаселенномъ черноземномъ центрѣ ведется трехпольное хозяйство безъ навознаго удобренія: производительность земли поддерживается уже не залежью—простымъ отдыхомъ, какъ при переложномъ хозяйствѣ, а *паромъ*: земля отдыхаетъ одинъ годъ, но за это время усиленно перепахивается и переборанивается. Производительность *поддерживается*,—но *не растетъ*. Но вѣдь *населеніе увеличивается* съ каждымъ годомъ—въ каждые 12—15 лѣтъ оно увеличивается, примѣрно, на четверть. Пока можно было, расширяли запашки: но теперь распахано все, и вновь распахивать давно ужъ нечего. Понятно, что чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе приходится существовать продолжающему расти населенію. Еще дальше: въ нечерноземной полосѣ—трехпольное-же

хозяйство, но съ навознымъ удобреніемъ. Но чтобы удобрять, нуженъ скотъ, а для скота нужно сѣно. Значитъ, нужно, чтобы на каждую десятину пашни было достаточно покоса: смотря по почвѣ и по климату, на десятину пашни нужно гдѣ одна, гдѣ полторы, гдѣ двѣ десятины сѣнокоса: и при этомъ производительность нечерноземной почвы тоже не повышается, а только поддерживается на одномъ уровнѣ. Между тѣмъ населеніе растетъ. Ему нужно больше хлѣба, значитъ больше пашни. Распахать, въ нечерноземной полосѣ, можно бы еще сколько угодно,—но сѣнокосовъ взять больше неоткуда; а безъ сѣнокосовъ, значитъ безъ удобренія, отъ пашни толку нѣтъ.

Спрашивается: еели дѣло обстоитъ такъ, то что можетъ дать, чему можетъ помочь расширеніе крестьянскаго землевладѣнія? Оно могло бы, въ самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ помочь только въ одномъ случаѣ: если бы, въ переложной полосѣ, можно было вновь создать для населенія такой просторъ, какой сейчасъ имѣется, напримѣръ, въ самыхъ рѣдко-населенныхъ мѣстностяхъ Сибири,—только тогда земля могла бы получать надлежащій отдыхъ, только тогда она стала бы давать былые—впрочемъ тоже не ахти какіе высокіе (если сравнивать съ западно-европейскими) урожаи: если бы, въ полосѣ навознаго трехполья, можно было дать крестьянамъ столько сѣнокоса, сколько нужно, чтобы на каждую десятину всей площади пашни, какая нужна на теперешнее число населенія, приходилось, гдѣ десятина, гдѣ полторы, гдѣ двѣ десятины сѣнокоса. Но ни того, ни другого сдѣлать нельзя: потому что нѣтъ столько земли, въ переложной полосѣ, чтобы

увеличить крестьянское землевладѣніе въ три или въ четыре, а то и въ десять разъ; потому что нужнаго количества сѣнокосовъ, въ нечерноземной полосѣ, нѣтъ въ природѣ, и взять ихъ неоткуда. А если сдѣлать то, что возможно—увеличить землевладѣніе крестьянъ гдѣ на четверть, гдѣ на половину; если дать, какія найдутся, прибавки сѣнокоса, то отъ этого будетъ мало толку: крестьянство вернется, приблизительно, къ тѣмъ размѣрамъ земельнаго обезпеченія, какіе существовали 20, 30 лѣтъ тому назадъ. Но вѣдь и тогда малоземелье было не лучше, чѣмъ теперь; и тогда крестьяне платили бѣшеныя деньги за аренду, шли на заработки за грошъ, голодали, переселялись на новыя мѣста. Ничѣмъ не будетъ лучше, если крестьяне теперь получатъ только прирѣзку земли, а все остальное останется по старому.

Значитъ: главное—не въ этихъ прирѣзкахъ, а въ томъ, чтобы земля давала больше, и значительно больше, чѣмъ она даетъ крестьянину сейчасъ; чтобы земля «давала два колоса, гдѣ она сейчасъ даетъ одинъ» (А. И. Чупровъ). А для этого нужно, чтобы крестьяне серьезно принялись за улучшеніе своего земледѣлія, и чтобы государство и общественныя силы имъ въ этомъ серьезно помогли.

Крестьянское земледѣліе и сейчасъ, несомнѣнно, не стоитъ на мѣстѣ; какъ никакъ, оно всетаки улучшается. Мы видили выше, что средній урожай на крестьянскихъ земляхъ за полвѣка, всетаки, повысился почти на половину. Или вотъ еще цифры, свидѣтельствующія о несомнѣнномъ распространеніи улучшенныхъ способовъ хозяйства—цифры

крестьянскаго травосѣянія: въ 1881 году у крестьянъ было засѣяно травами, въ итогѣ по всей европейской Россіи, 50 тыс. десятинъ; въ 1901 году уже 350 тыс., въ 1916 году милліонъ 200 тыс. десятинъ. Среди крестьянъ, въ послѣднее время, распространяются искусственныя удобренія, улучшенныя орудія и сѣмена; крестьянство черноземной полосы понемногу переходитъ къ хозяйству съ навознымъ удобреніемъ. Но всего это пока очень мало, и прогрессъ крестьянскаго хозяйства пока идетъ еще слишкомъ медленно. Хозяйство нашихъ крестьянъ не идетъ пока ни въ какое сравненіе съ крестьянскимъ хозяйствомъ даже болѣе отсталыхъ западно-европейскихъ странъ. Какъ мы видѣли оно остается, пока, позади даже нашего частновладѣльческаго хозяйства: урожаи ниже и, хоть и растутъ, но медленнѣе, чѣмъ у частныхъ владѣльцевъ; процентъ земли подъ посѣвными травами и подъ свеклой гораздо меньше.

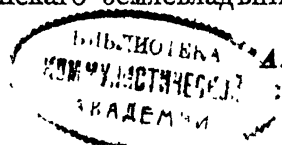
А между тѣмъ—какъ я уже упоминалъ и научныя соображенія (см. работы Давида, Булгакова, Косинскаго, Огановскаго, Чаянова), и, въ особенности, опытъ западно-европейскихъ странъ, показываютъ, что крестьянское хозяйство, какъ трудовое,—какъ такое, гдѣ хозяинъ самъ обрабатываетъ свою землю, гдѣ онъ не заботится о прибыли и рентѣ, а стремится только къ одному: какъ можно больше выработать на своей землѣ и какъ можно лучше прокормиться, *можетъ* не только идти вровень даже съ настоящимъ капиталистическимъ земледѣліемъ, но даже уходитъ впередъ его. А если *можетъ*, то и *долженъ*, потому что только *въ этомъ настоящее, дѣйствительное*, окон-

чательное рѣшеніе земельнаго вопроса, дѣйствительный, окончательный, а не только временный, выходъ изъ тяжелаго положенія нашего крестьянства. Въ этомъ—я сказалъ—должно помочь крестьянству правительство и общественныя силы,—но должно помочь себѣ и само организованное въ кооперативы крестьянство. Правительство и мѣстное самоуправленіе должно помочь широкимъ распространеніемъ общаго образованія и главное—широкимъ развитіемъ агрономической помощи: чтобы крестьянское хозяйство, въ самомъ дѣлѣ, стало получать «два колоса, гдѣ сейчасъ растетъ одинъ»; уже нельзя вести хозяйство по дѣдовски, нельзя улучшать помаленьку и какъ Богъ на душу поможетъ. Надо перестраивать хозяйство на правильныхъ научныхъ основаніяхъ. Вотъ, этому должна научить и въ этомъ должна помочь правительственная и, главное, земская агрономія.

Далѣе: для того, чтобы крестьянское хозяйство, въ самомъ дѣлѣ, могло перестроиться на новыхъ основаніяхъ, чтобы оно изъ истощающаго или, въ лучшемъ случаѣ, кое какъ поддерживающаго производительныя силы земли, стало развивающимъ ихъ, улучшающимъ землю, повышающимъ ея производительность, нужно не только научить, но и помочь,—нужно не только пониманіе, но и возможность. Мало убѣдить крестьянина, что нужны такія-то сѣмена, машины, искусственныя удобренія; отъ этого не будетъ толку, если онъ не сможетъ ихъ достать, или если у него не будетъ денегъ. Вотъ, тутъ-то и является на сцену кооперація. Она лучше чѣмъ кто-либо способствуетъ проведенію въ крестьянскую среду даже

знанія и пониманія улучшенныхъ способовъ хозяйства: агроному гораздо легче подойти къ крестьянину, заставить его понять себя, убѣдить его, если онъ будетъ дѣйствовать черезъ крестьянскій кооперативъ, чѣмъ если онъ будетъ имѣть дѣло съ каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ по одиночкѣ. И только кооперація дастъ крестьянину экономическую возможность проведенія въ жизнь необходимыхъ улучшеній: она дастъ ему необходимый кредитъ, она достанетъ ему сѣмена, орудія, удобренія, она организуетъ сбыть продукта, она установитъ контроль за его качествомъ. Словомъ—внѣ агрономической помощи и, главное, кооперації, для крестьянства нѣтъ спасенія.

Вотъ, значитъ, что нужно, чтобы въ самомъ дѣлѣ разрѣшить земельный вопросъ, чтобы подвести прочный фундаментъ подъ благосостояніе крестьянскихъ массъ: улучшеніе техники и экономики крестьянскаго хозяйства и, въ результатѣ—повышеніе—значительное повышеніе производительности и доходности крестьянской земли; все это—при помощи общественной агрономіи и кооперативныхъ организацій самого крестьянства. Передъ тѣмъ, что можетъ и должна дать упорная и послѣдовательная работа въ этомъ направленіи—что она можетъ и должна дать въ свободной странѣ и у свободнаго народа, меркнетъ все то немногое, все то ничтожное, что можетъ дать всякое, реально мыслимое, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія.



А. Кауфманъ.